

М. В. Шумилин
(РАНХиГС / ИВКА РГГУ)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «СТРАСТЕЙ СВ. СУСАННЫ» (BHL 7937). ФОНОЛОГИЯ И ОРФОГРАФИЯ¹

В статье рассматриваются проблемы восстановления текста «Страстей св. Сусанны» (*Passio S. Susannae*, BHL 7937) с точки зрения фонологии и орфографии и систематизируются полученные результаты. Обосновывается предположение, что в большинстве своем «неклассические» орфографические формы, встречающиеся в рукописях текста, восходят к оригиналу. Делается вывод о близости набора фиксируемых явлений к тому, который восстанавливается для ряда близких по дате и месту происхождения текстов, особенно для «Второго анонима Вalezия». При этом отдельные особенности, отличающие «Страсти св. Сусанны» от этого текста, как кажется, могут быть объяснены региональными различиями языка северной и центральной Италии позднеантичного времени.

Ключевые слова: Страсти св. Сусанны, поздняя латынь, фонология, орфография, «нормализация», каролингская нормализация, «Второй аноним Вalezия», Григорий Турский, Устав св. Бенедикта

M. V. Shumilin
(RANEPa / Russian State University for the Humanities, Moscow)

Linguistic Peculiarities in the *Passio Susannae* (BHL 7937). Phonology and Orthography

The article considers the problems of reconstructing the text of the *Passio S. Susannae* (BHL 7937) from the point of view of phonology and orthography and systematizes the achieved results. It is argued that the 'non-classical' orthographic forms encountered in the manuscripts of the work mainly belong to its original text; radical approaches are criticized that imply that most 'non-classical' forms in such texts as works by Gregory of Tours or *Regula Benedicti* have been introduced to the text by scribes at the early stages of transmission. Instances of the following features are catalogued: confusion of <e> with <i> and <o> with <u>; hypercorrect <ae>; syncope; genitives in -i for personal names in -ius; confusion of <b> and <u>; <g> for CL /i/; <d> for CL /t/; omitted and hypercorrect final <m>; simplification and gemination; assimilation of consonants in prefixes; several special cases. It is concluded that this set of peculiarities is very similar to that reconstructed for several other texts of more or less the same date and region, in particular for the *Anonymus*

---

¹ Автор статьи благодарит Б. А. Каячева за помощь в получении доступа к необходимой литературе, а также фонд РФФИ за поддержку, оказанную его более ранним исследованиям.

Valesianus II. Certain aspects, where the evidence seems to point towards differences between the *Passio S. Susannae* and the *Anonymus Valesianus II*, can probably be interpreted as connected with regional diversities of Late Latin in central (for the *Passio*) and northern (for the *Anonymus*) parts of Italy. It is also noted that most ‘non-classical’ forms found in the manuscripts of the *Passio* either coincide graphically with other ‘classical’ forms or belong to personal names that often could not be easily restored by ‘normalizing’ scribes. This seems to suggest that the text has passed through an early filter of ‘normalization’, perhaps the Carolingian one; and this conclusion in its turn implies that the original outlook of the text was much more ‘non-classical’ than what we can reconstruct with the help of the extant manuscripts. The texts that are particularly rich in ‘non-classical’ orthographic forms (like Gregory of Tours’s *Historia Francorum* or *The Edictus Rothari*) all boast extant pre-Carolingian manuscripts; perhaps these texts can give us an idea of what the original text of the *Passio* looked like.

Keywords: *Passio Susannae*, Late Latin, phonology, orthography, ‘normalization’, Carolingian normalization, *Anonymus Valesianus II*, Gregory of Tours, *Regula Benedicti*

1. Вступление

В статье Shumilin 2019 я доказывал, что из вариантов текста «Стастей св. Сусанны» (BHL 7937, далее PSus), появившихся в печатных изданиях, систематически ближе к оригиналу неклассические варианты, обычно выбираемые Я. Болландом и В. Купером², которые издали текст в болландистской серии Acta Sanctorum в 1658/1735 г. На настоящий момент я изучил рукописную традицию PSus, полностью охватив ранние рукописи (VIII–XI вв.)³, и этот материал позволяет усилить мой прошлогодний тезис и утверждать, что даже текст болландистов сильно нормализован (особенно в отношении орфографии и морфологии) и что рукописи содержат множество неучтенных Болландом и Купером неклассических вариантов, которые ближе к тексту архетипа и, вероятно, оригинального текста PSus. В настоящей статье я попытаюсь систематизировать особенности языка PSus, каким он предстает из учтенных мной рукописей, в том, что касается фонологии и орфографии. Смысл этого рассмотрения не столько в том, чтобы уточнить картину развития

² Monachi Solesmenses 1910: 2.742 указывают, кто именно из болландистов занимался подготовкой каждой из двух частей текста; в предыдущей статье я упустил из виду эту информацию.

³ BHLms также дают старую датировку XI веком для рукописи Roma, Arch. S. Giov. Later. A 80 (alias C), которую я на данный момент не использую, но рукопись теперь, скорее всего, следует датировать началом XII века: Supino Martini 1987: 50, 2001: 962 n. 111.

позднеантичной латыни (как мы увидим, надежность PSus как источника в области фонологии и орфографии ограничена), сколько в том, чтобы обосновать выбор орфографических вариантов, которые следует печатать при издании текста.

2. Рукописная традиция

В дополнение к обозначениям рукописей, использовавшимся мной в Shumilin 2019, я ввожу следующие сиглы:

- V* — Roma, Biblioteca Vallicelliana, Carte Vallicelliane XII.2 (s. viii, фрагмент)
W — Wien, ÖNB Lat. 357, fol. 158r–165v (s. ix^{3/4})
Z — Zürich, Zentralbibl. Rh. 81, p. 335–350 (s. x)
D — Chartres, BM 506 (144), fol. 176v–182r (s. x, ряд фрагментов)
b — Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 3, fol. 210v–211r (s. xiii, эксцерпт).
f — Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 7, fol. 245r–v (s. xiii–xiv, эксцерпт).

Все эти рукописи учитываются мной по фотографиям. Я также теперь систематически учитываю в виде фотографий рукопись *B*, как и все рукописи, учитывавшиеся в предыдущей статье.

Я надеюсь посвятить отдельное исследование отношениям между рукописями, здесь же вкратце изложу результаты, к которым пока прихожу, чтобы использовать получающуюся стемму в дальнейшем при работе с рукописными вариантами. Все рукописи, кроме фрагмента *V*, слишком короткого, чтобы что-то сказать о его месте в генеалогии рукописей⁴, по-видимому, делятся на две группы, которые я буду обозначать буквами Φ (= *FKPZ*) и Ψ (= *ABCSWabfhlmprtuv* (и, вероятно, также *D*) плюс издание Бонино Момбрицио, которое я использую *codicis instar* и обозначаю сокращением *Mombr.*). Внутри Ψ точно выделяются подгруппы α (= *ahl*, «цистерцианское» семейство рукописей т. н. «Большого австрийского легендария»)⁵ и μ (= *mpuv Mombr.*), а вероятно, также подгруппы β (= *BWta*) и δ (= *Cbfr*). Элиминировать, судя по всему, можно

⁴ П. Ф. Моретти в своем издании «Страстей св. Анастасии» (Moretti 2006: 75–76) относит фрагмент Roma, Biblioteca Vallicelliana R 32, fol. 16–17, который В. Браун (Brown 1996: 302–303) считает частью той же рукописи, что и *V*, к подгруппе *к*, соответствующей нашей подгруппе β (см. ниже). Однако стемма Моретти в этом месте выглядит странно с географической точки зрения, вероятно, ее аргументацию следует проверить.

⁵ См. подробнее Ó Riain 2015.

только рукописи *KZ*, зависимые от *P* (причем у *Z* есть признаки контаминированности с какой-то ранней и достаточно ценной рукописью, которые делают отдельные чтения *Z* значимыми несмотря на элиминированность: см. ниже 5, 7.16), и рукопись *f*, зависимую от *b*. Таким образом, в большинстве мест авторитетными источниками для восстановления текста рукописи *Ф* являются рукописи *PF*, а где нет сведений о чтении утраченной рукописи *F*, только рукопись *P*; а авторитетными источниками первого порядка для восстановления чтения рукописи *Ψ* являются реконструируемые чтения рукописей *βδμ* и образующие независимые ветви внутри *Ψ* рукописи *AS* (фрагментарная рукопись *D*, где известны ее чтения, вероятно, обладает таким же статусом независимого источника внутри *Ψ*, хотя нельзя исключать, что она относится к подгруппе *β*).

Я также ввожу следующую систему сокращений при описании чтений рукописи, основанную на Reeve 2004:

- A*¹ — чтение рукописи *A* до исправления;
- A*^c — исправление в рукописи *A*, сделанное той же рукой, которой написан первоначальный текст;
- A*² — исправление в рукописи *A*, внесенное второй (и т. д.) рукой;
- A*^x — исправление в рукописи *A*, про которое сложно определить, кем оно внесено (писцом, написавшим первоначальный текст, или кем-то из корректоров).

3. Датировка и место создания текста

Для обсуждения правдоподобия реконструкции языковых черт *PSus* важны датировка текста и место его создания. В предыдущей статье я исходил из датировок С. Ланери и М. Лапиджа (Lanéry 2010: 148: между 450 и примерно 514 гг. н. э.; Lapidige 2018: 270: ок. 450–500), однако они оба пренебрегают, на мой взгляд, безусловно убедительными аргументами Л. Дюшена (Duchesne 1916: 36–38), устанавливающими для *PSus* *terminus post quem* в виде тезиса о зависимости *PSus* от уже очень испорченной версии *Martyrologium Hieronymianum*. И Дюшен, и Ланери с Лапиджем при этом видят *terminus ante quem* в зависимости от *PSus* второй и, возможно, первой редакции *Liber pontificalis* (на мой взгляд, скорее только второй; предлагаемые Ланери и Лапиджем даты связаны с вариантами датировки первой редакции). *Martyrologium Hieronymianum* сейчас датируют 430–450 гг. (Lapidige 2018: 649), а вторую редакцию *Liber pontificalis* — 530–540 гг. (Davis 2010: xiii). В

результате мы получаем несколько иную датировку: вероятно, самый конец V в. либо первые десятилетия VI в. Что касается места создания, то Лapidж вполне правдоподобным образом считает, что автором был клирик римской титулярной церкви, которая позднее стала называться церковью св. Сусанны (Lapidge 2018: 270). Таким образом, практически наверняка перед нами текст, созданный в остготской Италии. Особенности его фонологии и орфографии резонно будет сравнить с подробными фонологическими описаниями других текстов того же региона и близкого времени: в частности, я привлеку описание языка «Второго анонима Валезия» (ок. 550 г., северная Италия, далее AV2), сделанное Дж. Адамсом (Adams 1976), и описание языка лангобардского «Эдикта Ротари» (643 г., северная Италия, далее ER), сделанное Б. Лёфстедтом (B. Löfstedt 1961).

4. Язык текста или язык рукописей?

Как и с многими другими позднеантичными текстами, с PSus связан вопрос о том, относятся ли «неклассические» черты языка к оригинальному тексту или привнесены переписчиками. В каролингской и посткаролингской рукописной традиции фактически каждый переписчик склонен выправлять то, что он считает языковыми «неправильностями» (и эта правка практически никогда не бывает проведена последовательно)⁶. Наглядной иллюстрацией могут служить разбор каролингской «нормализации» текста «Итинерария Антонина Плацентинского», сделанный Ч. Милани (Milani 1978), и особенно отмеченный Э. Лёфстедтом (E. Löfstedt 1959: 4, вслед за Pei 1932: 8, 387) случай, когда две версии одного и того же текста, до правки и после, сохранились в виде оригинальных документов, а не копий (Tardif 46 и 61, две привилегии аббатства Сен-Дени, одна позднемеровингская, 716 г., другая раннекаролингская, 768 г., почти полностью дословно воспроизводит первый текст, но уже сильно правя его язык). Приведем в качестве примера одно предложение этого текста в обеих версиях.

---

⁶ В случае PSus это хорошо видно по многим примерам, разобранным мной в Shumilin 2019. Мой тезис, что текст издания Момбриция является отдельной редакцией PSus, скорее всего следует поэтому смягчить: тогда в какой-то степени каждая рукопись будет содержать отдельную редакцию. Что касается непоследовательности, то ср. также в приведенном ниже примере две формы *cognuscat* в одном и том же предложении, из которых исправлена оказывается только одна.

Idio cognuscat magnetudo seu utilitas	Ideo cognuscat magnitudo seu utilitas
uestra, quod nos pro reuerencia ipsius	uestra, quod nos pro reuerentia ipsius
sancte loce uel pro quietem ibydem	sancti loci uel pro quieti in ibidem
Deo famolancium, prumtissemā	Deum famulantium, prumptissimam
uolomtati dinuo concessissae et in	uoluntatem dinuo concessisse et in
omnebus confirmassae uestra	omnibus confirmasse uestra cognoscat
cognuscat solercia.	solertia.

(Отметим, что, явно целенаправленно и часто успешно «нормализуя» язык более раннего документа, второй переписчик вводит и новые ошибки, которые иногда можно объяснить гиперкоррекцией: например, правильный датив Deo он, судя по всему, счел неверно записанным аккузативом.) Таким образом, текст, выглядящий «неправильно», уже в конце VIII в. с большой вероятностью будет исправлен переписчиком, причем во многих случаях легко предсказать, каким именно образом (особенно если правка происходит позднее, когда знание классического языка у переписчиков еще несколько улучшается). В результате обычные процедуры стемматической текстологии к языковым вариантам в рукописных традициях таких текстов оказываются фактически неприменимы. Из двух выделенных мной групп рукописей PSus текст группы Ф (которому, судя по всему, отдавали предпочтение болландисты) явно подвергся некоторой «нормализацией». Следовательно, если мы представим, что в архетипе PSus была форма наподобие cognuscat, с большой вероятностью она сохранится только в рукописи Ψ, но не в рукописи Φ, и затем значительная часть зависящих от Ψ рукописей также исправит это слово на cognoscat; если «неправильная» форма вообще сохранится в дошедших до нас рукописях, то скорее всего она выживет только в одной-двух ветвях внутри группы Ψ, причем тоже только в древнейших (либо наиболее консервативных) рукописях этих ветвей. Однако получаемая нами картина наподобие, условно говоря, cognoscat ΦSβμbr : cognuscat AC или тем более cognoscat ΦSβδμ : cognuscat A может также быть и результатом того, что какой-то переписчик ввел «неправильную» форму в текст, изначально содержащий cognoscat (во втором случае это мог бы быть переписчик рукописи A или ее утраченного источника, списанного с Ψ, в обоих случаях — переписчик самой Ψ, ну и в любом случае всегда есть возможность, что форма введена писцом архетипа или источника архетипа и отсутствовала в оригинальном тексте). Стандартные процедуры стемматической текстологии будут в этом случае подразумевать, что следует счи-

татъ текстом архетипа «правильный» вариант *cognoscat*, раз он представлен всеми рукописями одной группы и большинством подгрупп (либо даже всеми подгруппами кроме одной) второй группы. Возможность сохранения восходящей к архетипу «неправильной» формы в небольшом числе рукописей при этом, однако, будет ошибочно отсечена. В более тонких вариантах стемматической текстологии такая ситуация называется полигенезом инноваций (Reeve 2011: index s.v. polygenesis), в то время как стемматический метод обычно исходит из того, что инновация не могла быть независимо совершена повторно.

В итоге в случае, когда позднеантичные тексты известны нам только по средневековым рукописям, полностью достоверное восстановление орфографии на самом деле невозможно. Предположительное же восстановление практически подразумевает выбор какой-то позиции между двумя полюсами: с одной стороны, (А) автоматического включения в текст всех «неклассических» вариантов, встречающихся хотя бы в одной рукописи (вариант по принципу *lectio difficilior*, к последовательной реализации которого особенно близко подходили некоторые издания конца XIX — начала XX в.), и, с другой стороны, (В) полного игнорирования «неклассических» вариантов рукописей при издании текста (к такому подходу часто приближаются издания позднеантичных агиографических текстов, подготовленные знаменитым Ипполитом Делеэ), либо (С) вообще отказа от установления верного текста источника в комбинации с установкой обсуждать «язык рукописей произведения» вместо «языка произведения» (ср., напр., Adams 2013: 428).

Дискуссии, в которых доминировал призыв к скептической позиции, развернулись, в частности, в последние несколько десятилетий вокруг текста произведений Григория Турского (его случай специфичен тем, что для «Истории» сохранилось много ранних рукописей, достаточно близких по дате к времени написания), изданных в весьма «неклассическом» виде Б. Крушем в серии *Monumenta Germaniae historica* (переработанное второе издание «Истории», до сих пор остающееся последним полным критическим изданием произведения, — Krusch, Levison 1951). Удобно подытоживает эти дискуссии П. Бурген в новом «компенионе» к Григорию Турскому (Bourgain 2016: 145–158; ср. также Orlandi 1996, Shanzer 2005, Haverling 2008, Adams 2013: 248). Согласно Бургену (Bourgain 2016: 157), «консенсус современных ученых» по поводу того, что подход Круша, «предпочитавшего чтения [изобилующей “неправильностями”] рукопи-

си [B1] везде, где этому не мешала стемма», нуждается в уточнении, получил практическое воплощение в подготовленном К. Хильхенбахом издании IV книги «Истории» (Hilchenbach 2009), где «чтения “развившегося” [‘evolved’, Бурген использует этот термин для форм языка VI в., отличных от классических] типа принимаются только там, где присутствует определенная степень согласия [независимых свидетельств об архетипе]». Речь идет, таким образом, о более или менее традиционных стемматических процедурах.

Схожие идеи были высказаны применительно к тексту Устава св. Бенедикта Р. Коулманом (Coleman 1999). Согласно Коулману, вариант подхода, обозначенного нами выше буквой А, который был распространен применительно к Уставу со времен Л. Траубе, следует отвергнуть, т. к. он предполагает представление о существовании некоего единого христианского *Sondersprache* вкупе с идеей, что «латынь, на которой писала образованная элита во времена св. Бенедикта, была в более печальном состоянии, чем позволяют предполагать имеющиеся данные» (Coleman 1999: 355); однако идея о единой «христианской латыни» вряд ли корректна (см., напр., E. Löfstedt 1959: 68–87), поэтому при издании Устава следует отвергать засвидетельствованные в рукописях «народные» формы, кроме тех, которые представимы в «элитарной латыни» периода. Как и в случае Григория Турского, предполагается, что «неклассические» формы рукописей в значительной степени были привнесены в текст переписчиками.

Следует отметить, однако, что в аргументации обеих концепций есть слабые места, а также существуют аргументы, которые можно выдвинуть против них. Традиционный стемматический метод, как я пытался показать выше, в любом случае даст довольно бессмысленный (в большой степени случайный) результат при выборе между классической и «развившейся» формой, и данное Бургенем описание подхода Хильхенбаха на самом деле, по-видимому, не вполне соответствует даже тому, что счел допустимым сделать сам Хильхенбах⁷. Важный аргумент, что текст Круша в итоге неравномерно «не-

---

⁷ Ср., напр., Hilchenbach 2009: 2.445: Хильхенбах принимает в Hist. 4.46 чтение *sine regis praesentiam* только на основании рукописей группы **β** (= группа *B* Круша, та самая, которой тот отдавал предпочтение), т. к. лучшая рукопись альтернативной ветви традиции в этом месте отсутствует и «чтение *praesentia* в более поздних рукописях может быть повсюду объяснено нормализацией».

классичен» (т. к. Круш опирался прежде всего на характеризующуюся «неклассическими» формами группу рукописей *B* — фактически отдельную редакцию текста, — а в этих рукописях содержится не вся «История», так что в остальных частях текст выходит более «классический») основан, на мой взгляд, на не совсем полном понимании текстологической проблемы. Он имел бы смысл, если бы восстанавливаемый текст претендовал на полноценную реконструкцию орфографии оригинала. Однако такая реконструкция для текста *PSus* невозможна, т. к. постоянная «нормализация» подразумевает, что многие «неклассические» формы скорее всего были исправлены в тексте еще до той стадии, которая известна нам по дошедшим рукописям; мы в лучшем случае можем пытаться реконструировать в отношении орфографии «островки» текста, где до нас дошла информация о вероятной «неклассичной» форме, оставаясь в неведении обо всем остальном; в этой ситуации в неравномерности таких форм в принципе нет ничего страшного, просто на определенном отрезке текста таких «островков» в результате стечения обстоятельств оказывается больше. Что касается тезиса Коулмана о том, что язык Бенедикта Нурсийского должен быть «элитарной латынью» (ср. также о Григории Турском Shanzer 2005: 306), то он, как кажется, основывается на очень упрощенном с социолингвистической точки зрения противопоставлении «элитарной латыни» и «народной латыни» (см. Adams 2013: 8–11). Вполне представимо, что наряду с «элитой» существовали и какие-то суб-элитарные подгруппы, язык которых несколько отличался; вряд ли каждый человек, получивший хоть какой-то доступ к элитарному для своего времени образованию, непременно писал на столь же близком к классическому языку, как Боэций или Кассиодор. «Неклассические» формы и черты языка, в частности, могли вводиться в текст не только из-за необразованности, но и, например, в результате имитации языка каких-то конкретных текстов (к примеру, библейских), допускавших такие формы и черты. Вряд ли это невозможно в случае не только римского клирика, о котором мы толком ничего не знаем, но и оборвавшего элитарное обучение Бенедикта или турского епископа Григория, происходившего из оставшейся в Галлии римской аристократии.

В то же время несколько соображений можно выдвинуть против радикально скептических подходов. Во-первых, как признает и Бурген применительно к Григорию (Bourgain 2016: 155; ср. также Adams 1976: 13), для рукописной традиции об-

суждаемых текстов характерно изобилие «неклассических» форм не только на уровне орфографии и морфологии, но и на уровне лексики и синтаксиса, где систематическое их введение в текст переписчиками сложно представить. Достаточно странно считать, что только в трудноисправляемых особенностях текст был очень «неклассичен», а в легкоисправляемых при этом нет. (Коулман в целом игнорирует этот аргумент — ср., впрочем, Coleman 1999: 346, — но синтаксис Устава тоже сильно «неклассичен»: см., напр., E. Löfstedt 1956: Stellenindex s. v. *Benedictus*).

Во-вторых, хотя иногда переписчики (преимущественно, видимо, в меровингско-лангобардскую эпоху) явно вносили в текст отдельные черты «развившегося» языка VI в., если допустить, что позднеантичный текст с изначально классической орфографией мог приобрести в результате только прохождения через фильтр «меровингско-лангобардской» трансмиссии ко времени каролингского этапа переписывания существенно «неклассический» облик в духе этого «развившегося» языка, то и тексты классического периода, прошедшие через такой фильтр, выглядели бы в каролинских рукописях схожим образом; однако каролингские рукописи текстов классического периода, как кажется, содержат гораздо меньше ошибок соответствующего типа, чем каролингские рукописи обсуждаемых нами текстов. Чтобы проверить на конкретном примере этот тезис и исключить случаи, когда традиция могла вообще не проходить через этот фильтр, я изучил орфографию одной франкской рукописи начала VIII в. (т. е. до каролингской «нормализации», что по идее должно давать даже еще большую «неклассичность»), содержащей текст классического периода (в несколько расширенном смысле), на отрезке, примерно равном длине PSus (ок. 4000 слов; я выбрал рукопись Paris. BNF lat. 2706, содержащую *De Genesi ad litteram* Августина, т. к. от Августина у нас есть все основания ожидать классическую орфографию). Для позднеантичного смещения <e> с <i> и <o> с <u> по определенным правилам в определенных позициях (см., напр., Sergievsky 1952: 132–136, Bourcier 2004: 41–42) в этой рукописи я нашел 10 примеров (см. подробнее ниже 7.1–7.14); в PSus на таком же отрезке текста я насчитываю 20 по-видимому надежных примеров плюс 10 вероятных примеров⁸. В близком по

---

⁸ Если считать также написание имени Diocletianus как Dioclitianus, то добавятся еще 28 вероятных случаев: см. ниже 7.4. Может возникнуть

объему (ок. 3000 слов) AV2 Адамс насчитывает 37 таких примеров (Adams 1976: 40–43). Разница, наверное, меньше, чем можно было ожидать, но все равно в (этой ветви) рукописной традиции Августина фильтр, получается, дал по крайней мере в 2–4 (или скорее 3–4) раза менее «неклассическую» орфографию, чем в архетипах PSus и AV2 (насколько мы можем их реконструировать).

Конечно, возвращение вместо скептицизма в духе современных критиков издания Круша просто к радикальному принципу, который я выше назвал подходом А, также вряд ли будет оптимальным решением. Существует, однако, и еще одна традиция решения такого рода проблем, которая представляется мне более удачной. Уже упоминавшийся Дж. Адамс в своем издании AV2 оказывается в схожей ситуации: текст сохранился в двух рукописях, из которых одна (*B*) более «неклассичная», чем другая (*P*). Его решение заключается в том, чтобы обосновать тезис, что «неклассичный» язык рукописей (особенно рукописи *B*) является в целом правдоподобным для данного текста (Adams 1976: 13–14), и затем сделать отсюда применительно к орфографии вывод, что, «когда неклассическая форма в рукописи *B* может быть решающим образом объяснена, издатель обязан принять ее, а не следовать рукописи *P*, которая, как в других, так и в этом отношении может оказаться регулирующей» (Adams 1976: 37). Ситуация и подход исследователей также схожи в случае «Итинерария Антонина Плацентинского», первая версия которого (противопоставляемая второй версии, по-видимому представляющей собой каролингскую редакцию) сохранилась в двух рукописях, более «неклассичной» (*G*) и более «правильной» (*R*). Ср. выводы Дж. Гальди, Galdi 2015: 61–62: реконструировать архетип очень сложно и места-

---

возражение, что я сравниваю число случаев в *одной* рукописи Августина с числом случаев во *всех* рукописях PSus (и далее AV2). Однако, как кажется, такое сравнение вполне корректно, т. к., если исходить из обсуждаемого мной здесь предположения о ключевой роли «меровингско-лангобардского» фильтра, основная масса «неправильных» форм PSus и AV2 (древнейшие полные рукописи которых каролингские) должна восходить к архетипам этих текстов, т. е. тоже единичным рукописям, так же стоящим на границе до-каролингской и каролингской трансмиссии, как и эта рукопись Августина. Если исходить из идеи о каролингской «нормализации», число «неклассических» форм в архетипах PSus и AV2 скорее всего даже должно было быть еще выше, чем суммарное число таких форм в дошедших до нас рукописях этих текстов.

ми невозможно, но поведение писцов в конкретных ситуациях показывает, что скорее версия *R* «нормализована», а *G* ближе к изначальному тексту; каждое лингвистическое явление нужно изучать отдельно, но в ряде случаев есть основания полагать, что большая часть форм *G* восходит к оригиналу.

Я полагаю, что разумнее всего будет и в настоящем исследовании принять схожую логику: если удастся обосновать тезис, что в целом язык изначального текста PSus скорее всего содержал черты «развившегося» языка VI в., то правдоподобные для языка эпохи формы, представленные в рукописях, следует принимать, в случае если нет большой вероятности, что форма введена каролингским (или еще более поздним) писцом. В следующем разделе я попытаюсь по образцу Адамса обосновать общий поход к языку PSus.

5. PSus — текст с чертами «неклассического» языка?

Из признаков, используемых Адамсом для обоснования того, что текст рукописи *B* AV2 соответствует именно VI в., а не более позднему времени, многие релевантны для PSus. Я приведу его формулировки.

«Пассивный плюсквамперфект (в аористном значении) всегда формируется при помощи *fueram* (или *fuissem*) вместо *eram*, но перфект в аористном значении при помощи *sum*, а не *fui*. Такая ситуация доминирует в текстах примерно IV–VII вв. [...] Позднее перфектное причастие + *fui* вытеснило перфектное причастие + *sum*» (Adams 1976: 13). Из 37 личных пассивных форм перфектного ряда (в аористном значении) в PSus (я использую свой черновой критический текст) этому правилу подчиняются 36 и противоречит только одна (18 *ausus fui*).

«В [AV2] есть признаки вытеснения имперфекта [конъюнктива] плюсквамперфектом, [«победившим» в романских языках], но имперфект все еще доминирует. В первой редакции *Annales regni Francorum* (описывающих франкскую историю II пол. VIII в.) плюсквамперфект потеснил имперфект более решительно» (Adams 1976: 13). В рукописном тексте PSus 36 имперфектов конъюнктива и 15 плюсквамперфектов конъюнктива (я бы восстановил конъектурально еще один имперфект и один плюсквамперфект), все плюсквамперфекты употребляются в соответствии с классическими правилами согласования времен.

«Конечное */-s/* в [AV2] сохраняется, но утрачено в итальянском. Свидетельства его утраты обнаруживаются в доку-

ментах из Италии в VII–VIII вв.» (Adams 1976: 13). В рукописях PSus также нет ни одного явного случая пропуска ожидаемой финальной буквы <-s>.

«Пассивная инфинитивная конструкция “перфектное причастие + esse” не вторглась в область синтетического презентного пассивного инфинитива (кроме как в качестве аспектуально мотивированного варианта). К VIII в., однако, такой процесс фиксируется в текстах» (Adams 1976: 14). Из 9 пассивных инфинитивов в PSus 8 синтетические презентные (есть еще 7 инфинитивов депонентных глаголов, все синтетические презентные). Единственный аналитический перфектный пассивный инфинитив (5 *esse coniunctum*) имеет значение греческого перфекта.

Можно добавить сюда и другие подобные соображения. В рукописях PSus в очень больших количествах встречаются анаколуфы тех (видимо, связанных) типов, которые описаны в работах Eklund 1970: 119–202 и Galdi 2014 (и, судя по всему, восходят к калькам в латинских переводах греческого библейского текста). С такой интенсивностью это явление, как кажется, известно только в позднеантичных текстах вплоть до VII в. (самый поздний текст, в котором отмечалось именно высокочастотное использование анаколуфов таких типов, — это, если я не ошибаюсь, *Vita Wandregiseli*, меровингский текст конца VII в.: см. Müller-Marquardt 1912: 218).

В некоторых случаях «неклассические» формы в PSus оказываются связаны именно с зафиксированными в VI в. идиомами и языковыми формулами. Напр., в PSus 6 текст, видимо, нужно восстанавливать в таком виде: *Cognouit sanctitas uestra, pro qua gaudia uenerim ad uos?* «Знает ли святость ваша, из-за какой радости я пришел к вам?» Вариант *pro qua gaudia* сохранился только в *B^I*, но варианты других рукописей, по-видимому, совокупно объяснимы только как попытки разными способами исправить этот текст и не могут быть убедительно интерпретированы как модификации какого-то другого правдоподобного чтения (*pro quo gaudio PAB³Ct, Bolland: pro qua gaudens W: pro quo gaudens α: pro quibus gaudiis r: pro qua gaudii causa S: pro qua causa μ*). В то же время вариант женского рода *gaudia* вместо *gaudium* не только зафиксирован в античных текстах (TLL 6.2.1711.68–73) и стоит за романскими рефлексам (REW 277), но еще и употребляется очень похожим образом в Greg. Tur. Mart. 3.19 *pro tantae pietatis gaudia uouit se ibidem tonsorari* «Из-за радости о столь большом милосердии он дал обет там же

принять постриг». Необычный род слова мог быть в первую очередь закреплён за определёнными выражениями. Ср. также ниже 8.4.

Конечно, эти черты сами по себе недостаточны для датировки текста, но в целом они делают по-настоящему правдоподобными только две интерпретации: либо «неклассические» черты текста рукописей PSus в основном восходят к оригинальному тексту начала VI в., либо они внесены переписчиками на самой ранней стадии трансмиссии (VI–VII в.). В случае PSus у нас есть ещё, однако, одно важное не прямое свидетельство о тексте. Пересказ сюжета PSus, появляющийся во второй редакции *Liber pontificalis*, очень близком по дате к PSus тексту, представляет собой что-то вроде коллажа из повторяющихся выражений PSus и при этом содержит ряд черт, характерных для более «неклассических» вариантов рукописной традиции PSus. Ср. *Lib. pontif. p. 40.3–4 Mommsen*:

qui post annos XI cum Gauinio fratre suo propter filiam Gauini presbyteri nomine Susanna martyrio coronatur.

‘Через 11 лет он [папа римский Гай] вместе со своим братом Гавинием из-за дочери пресвитера Гавиния по имени Сусанна увенчивается мученичеством’.

По-видимому, верно восстановленная Моммзенем формулировка *nomine Susanna* (вместо ожидаемой *nomine Susannam*) — имя, видимо, в номинативе, а не аблативе (ср. Adams 2013: 216–220) — дважды встречается даже в рукописях PSus, причем один раз — после аналогичной конструкции (4 (*Z*)⁹: *ueniens Gauinius presbyter ad filiam suam nomine Susanna* «пришед пресвитер Гавиний к своей дочери по имени Сусанна...», 13 (*W*) *propter puellam nomine Susanna* «из-за девушки по имени Сусанна»); ещё один раз в одной рукописи появляется такая же конструкция с другим именем (13 (*B*) *fratrem eius nomine Maximus* «его брата по имени Максим»). Отец Сусанны вообще носит старинное римское имя Габиний, но большинство рукописей группы Ψ вместе с *F* и *D* пишут это имя в той же форме, что и *Lib. Pontif.*, как *Gauinius* (нормализованный вариант *Gabinus* появляется в *Prvnt*, а также в

---

⁹ Это, судя по всему, явный случай, когда рукопись *Z* была правлена по какой-то другой ранней рукописи, т. к. сложно представить, что писец X в. или более позднего времени стал бы исправлять унаследованное от *P* чтение *Susannam* на *Susanna*.

зависимом от PSus тексте «Мартиролога» историка IX в. Адона Вьеннского). Родительный Gauini вместо Gauinii также хорошо зафиксирован в рукописях PSus: см. ниже 7.17. Это, по-видимому, уже совсем серьезный аргумент в пользу того, что «неклассичный» (по крайней мере, в целом) облик имени был уже в изначальной версии PSus: маловероятно, что переписчики Lib. pontif. (конечно, не сверявшиеся с источниками текста) внесли бы те же самые искажения, что и переписчики PSus, именно в этом месте.

6. Принцип выбора чтений

Таким образом, я бы предложил считать обоснованным, что в целом свойственные для «неклассичного» языка VI в. черты языка рукописей PSus восходят к оригиналу. Тем не менее, многие конкретные «неклассические» чтения, конечно, легко могут быть введены переписчиками. Мы не можем реконструировать орфографию текста точно, но мы можем различить разные степени вероятности того, что чтение восходит к оригинальному тексту. Я бы предложил поэтому следующий алгоритм выбора между языковыми вариантами, в зависимости от того, о каком языковом явлении идет речь.

а. Если речь идет о вариантах, между которыми переписчики с полной свободой переходят и в докаролингское, и в каролингское время (напр., <ae> vs <e>), отказаться от попыток реконструировать орфографию оригинала и печатать классическую форму.

б. Если речь идет о «неклассическом» варианте, введение которого в качестве инновации каролингским писцом возможно, но менее вероятно, чем появление его в языке VI в., то следует учитывать распределение чтений по рукописям. При появлении такого варианта только в одной ветви группы Ψ следует аккуратно классифицировать такой вариант как «возможно верный» (в издании не принимать в текст, но указывать в аппарате с пометкой *fort. recte*, в следующем ниже рассмотрении языка учитывать, но с оговоркой о том, где фиксируется это чтение). При появлении такого варианта сразу в нескольких ветвях группы Ψ, либо в одной ветви группы Ψ и в каких-то рукописях группы Φ, либо если он надежно реконструируется для рукописи Φ, следует принимать его в текст. В обоих случаях чтения других рукописей должны при этом правдопо-

добным образом объясняться исходя из предположения о том, что обсуждаемое чтение является изначальным.

в. Если речь идет о «неклассическом» варианте, правдоподобном для VI в., но введение которого в качестве инновации каролингским писцом очень трудно представить, то принимать его в текст, даже если он фиксируется только в одной рукописи (любой).

г. Если речь идет о «неклассическом» варианте, правдоподобие которого для языка VI в. обосновать не получается, то такой вариант следует считать ошибкой.

Эта логика потребует каждый раз устанавливать лингвистический статус «неклассического» варианта для сразу двух периодов, VI в. и, условно говоря, IX в. Стандартным описанием фонологии и орфографии средневековой латыни является работа Stotz 1996, и я буду опираться на нее; она, однако, обычно оперирует в хронологическом отношении широкими понятиями «раннесредневековой латыни» (сюда входят и VI в., и каролингское время), «латыни высокого средневековья» и «позднесредневековой латыни». Тем не менее в некоторых случаях из примечаний и ссылок Штоца видно, что речь идет скорее о до-каролингском явлении; кроме того, если явление характерно для «раннесредневековой латыни» в целом, но нехарактерно для последующего периода, то, конечно, подразумевается, что явление постепенно угасало на протяжении каролингского периода; это будет скорее значить, что явление относится к нашей группе б.

7. Гласные в PSus

Хорошо зафиксированное позднеантичное смешение классического /ē/ с кл. /ī/ (а в безударном слоге и кл. /ě/), совпавших в позднее /e/, и кл. /ō/ с кл. /ū/ (а в безударном слоге и кл. /ō/), совпавших в /o/, Штоц комментирует с разной степенью подробности в зависимости от фонетического перехода (Stotz 1996: 14–26, 34–40, 48–55, 60–68). Однако в целом, видимо, во всех этих случаях соответствующая орфография по хронологии попадает в нашу группу б.

Адамс (Adams 1976: 39) считает, что доминирование в AV2 (и ряде других близких по времени и месту корпусов) среди аномальных форм такого рода тех, где гласные меняются в безударных слогах, указывает, что смешение началось в безударных слогах, где оппозиция долгих и кратких гласных была

утрачена раньше. PSus в этом отношении дает примерно ту же картину, что AV2, иногда контрастируя при этом с более поздним ER.

7. 1. <i> на месте классического /ě/ в ударном слоге

Переход, которого не должно было происходить. Нет примеров в PSus, как и в AV2 и рукописи Августина (далее AugMS). В ER 7 примеров, которые Б. Лёфстедт объясняет закрытием кл. ударного /ě/ в закрытом слоге перед носовыми согласными.

7. 2. <i> на месте классического /ě/ в ударном слоге

PSus: 3 *habito* (видимо, в значении *habeto*, каковая форма и появляется в качестве «нормализации» в $K^xSW^3a^3$), 9 (VB^l) *percipero*, 14 (B^xW , т. е. только рукописи ветви β) *acciperimus* (имперфект конъюнктива); если включать сюда же кл. /ě/ в слоге, ударном в большинстве форм глагола, то, видимо, следует также записать сюда 10 (BS) *accidisset* (альтернативная перфектная основа от *accedo*, образованная по аналогии с основой *инфекта*, см. TLL 1.253.51 и об этом явлении в целом Rönisch 1869: 286–287; в VAC^lW форма выглядит как *accedisset*). (Отметим, что три случая из четырех можно объяснить графическим смещением схожих морфем.) AV2: 4 примера, включая *suscipi* (1 лицо перфекта) и *procidens* (от *procedo*). ER: 90 примеров, включая *succidat* и разные приставочные производные от *cario* с <i> в корне перфектной основы. AugMS: 1 пример (fol. 10v *acciperimus*).

7. 3. <i> на месте классического /ě/ в безударном слоге

PSus: 3 *caritati* (abl.; «нормализованный» вариант *caritate* в $P^?FS$), 7 *caritati et generositati* (abl.; «нормализованный» вариант *caritate et generositatis* в *Smur Mombr.* (*caritate et generositatis C^x, caritate generositatis pv*)), 8 ($SW^c?$) *releuari* (активный инфинитив, «нормализованный» вариант *releuare* в том числе в V), 9 *cat(h)ecuminum* (написание через <i> также подтверждается в V , «нормализованный» вариант с <e> только в r ; ср. 11 *cat(h)ecuminos*, где вариант на *-menos* появляется только в ur), 10 ($P^l(K^x)BCWhp^lv^l?$) *baptizari* (активный инфинитив), 12 *obligari* (вероятно, активный инфинитив; «нормализованный» вариант *obligare* в *pvt Mombr.*), 14 *sublimitati* (abl.; «нормализованные» варианты *sublimitatis* в C , *sublimitate* в $Sμtr$), 18 (B^l) *aegritudini* (abl.), 22 *facienti* (судя по всему, abl., относящийся к *humanitate* во фразе, облик которой ставил в тупик перепис-

чиков и вызвал множество исправлений; <i> в конце нашего слова сохранилось в *PABWα*), 25 (C) *audiri* (вероятно, активный инфинитив в конструкции, о которой см. E. Löfstedt 1956: 2.431–432; вариант *audire* сохранился в *A*, в остальных рукописях синтаксическая «нормализация» *audiret*). Сюда, вероятно, также следует добавить PSus 2, где варианты *ad uestram caritatem Bтμ*, *Bolland* (*uestrae charitati r*) и (бессмысленное) *ad (om. A) uos caritati AW^l* (*ad uos caritate PFCα*: *ad uos caritatie W³*: *ad uos causa ueritatis S^l*: *ad uos causa caritatis S^x*), как кажется, должны восходить к чему-то вроде *ad uestram caritati* в архетипе (где *caritati* — аккузатив ед.ч., ср. об идиоматичности выражения TLL 3.463.1–3). AV2: 4 примера. ER: очень много примеров, включая 4 примера на -i в окончании активного инфинитива и 2 примера на -i вместо падежного окончания 3 склонения -e(m). AugMS: 2 примера.

7. 4. <i> на месте классического /ē/ в безударном слогe

PSus: 9 и 11 (D) *caticumin-* (ср. 7.3), 17 (B^l) *erueris* (имперфект конъюнктива), 29 *cimiterio*. Сюда же следует записать возможно верную форму *Dioclitianus*; имя упоминается в тексте 28 раз, и обычно пишется так (либо как *Dioclicianus*) в *SWh Mombr.*, плюс в такой же орфографии оно появляется единственный раз в *V*. Правда, иногда такая орфография также появляется вопреки *P* в зависимых от *P* рукописях *KZ*, что может говорить о том, что некоторые каролингские переписчики просто считали такое написание стандартным и легко могли его вводить в текст. AV2: нет примеров. ER: много примеров. AugMS: 2 примера.

7. 5. <e> на месте классического /ī/

Такой переход, судя по романским рефлексам, не должен был происходить в латыни в целом (ср., напр., итал. оппозицию *viene vs vieni* < лат. *uēnīt vs uēnī*), и в PSus, как и в AugMS, действительно, нет таких примеров, кроме <e> вместо ожидаемого <i> в окончаниях 3 склонения и инфинитива, которые следует объяснять морфологическими изменениями, а не фонетическими: см. B. Löfstedt 1961: 67–69. Кроме этих случаев, в AV2 один пример такого перехода, который Адамс, соответственно, считает ошибкой переписчиков, в ER 5 возможных примеров, для каждого из которых Лёфстедт предлагает альтернативное объяснение. (Выше мы видели, что в меровингских текстах VIII в. такие примеры все же есть, ср. *sancte loce* в Tardif 46;

это, видимо, какое-то региональное «затемнение исхода флексии», см. Stotz 1996: 39).

7. 6. <e> на месте классического /й/ в ударном слоге

Нет примеров в PSus, как и в AV2 и AugMS; если считать случаи, когда ударение падает на слог в других формах слова, то в PSus есть три возможных примера, которые, правда, все можно объяснить рекомпозицией: 18 ($B^1 t^1$, т. е. только группа β) *deteneri*, 20 (B^1) *detenebatur*, 21 ($BC^1 Wr$) *adsedebat*. Ок. 120 примеров в ER, не считая случаев, которые можно объяснить рекомпозицией (ср. ниже 7.14).

7. 7. <e> на месте классического /й/ в безударном слоге

PSus: 13 *considerares* (по-видимому, второй футурум), 29 (α) *Feglinas* (вместо имени собст. *Figlinas*, но восстановление кл. варианта во всей остальной традиции маловероятно). AV2: 2 примера, один из которых можно объяснить рекомпозицией. ER: много примеров. AugMS: 2 примера.

7. 8. <u> на месте классического /ё/ в ударном слоге

Переход, который не должен был происходить. Нет примеров в PSus, AV2, AugMS, 2 примера в ER, которые Б. Лёфстедт объясняет закрытием кл. ударного /ё/ под влиянием идущего далее носового.

7. 9. <u> на месте классического /ё/ в ударном слоге

Нет примеров в PSus и AugMS, 3 примера в AV2, ок. 150 примеров в ER¹⁰.

7. 10. <u> на месте классического /ё/ в безударном слоге

PSus: 5 ($B^1 ?$) *pullutos*. AV2: 3 примера. ER: несколько десятков примеров. AugMS: нет примеров.

7. 11. <u> на месте классического /ё/ в безударном слоге

PSus: 5 (t^1) *Christum* (dat.), 5 (PAC) *studium* (abl.), 8 (AB^1) *terminus* (acc. pl.), 20 ($B^1 C^1$) *sacramentum* (abl.), 23 (AB^1) *consilium* (abl.). AV2: один пример (*reconciliatus*, acc. pl.). ER: много примеров, сводящихся к тем же трем типам (-um в dat. sg. и abl. sg. 2 склонения, -us в acc. pl. 2 склонения). AugMS: 3 примера, во всех случаях -u(m) вместо -o в аблативе.

¹⁰ Имя *Cutia*, дважды упоминающееся в PSus 11, согласно убедительной реконструкции Дюшена (Duchesne 1916: 36–38), должно исходить из испорченного текста «Иеронимова Мартиролога», выглядевшего как *cotiae* и истолкованного как генитив имени собственного. Как при этом трактовалась долгота гласного, непонятно.

7. 12. <o> на месте классического /ū/

Также переход, которого, судя по романским рефлексам, не должно было быть. Нет примеров в PSus, в AV2 4 примера, каждый из которых Адамс объясняет морфологией, а не фонологией; в ER, кроме примеров, скорее объясняемых изменением морфологии, 4 примера, все с корнем *nutr-* (Б. Лёфстедт предполагает, что существовал альтернативный вариант корня с кратким гласным). В AugMS 3 примера, также все объясняемые смешением морфем: *fol. 5r–v incommotabiliter*, *fol. 9r incommotabilis* (видимо, оба случая под влиянием корня *moceo*), *fol. 3v creatorae* (под влиянием суффикса *-or*), ср. по обоим поводам Stotz 1996: 67.

7. 13. <o> на месте классического /ŭ/ в ударном слоге

Нет примеров в PSus, AV2, AugMS, несколько десятков примеров в ER.

7. 14. <o> на месте классического /ŭ/ в безударном слоге

PSus: 13 (A) *edocare*, 24 (A) *nontiatum*. AV2: 22 примера, включая *edocatus*. ER: 73 примера. AugMS: нет примеров. Адамс (Adams 1976: 40) отмечает, что бóльшая частотность <o> на месте классического /ŭ/ по сравнению с <e> на месте классического /i/ — необычная черта, выделяющая из других позднеантичных корпусов и текстов происходящие из Италии AV2 и т.н. *Papyri Ravennates* (Tjäder 1955). Эту их черту не разделяет PSus (где, правда, мало <e> на месте классического /i/, но много <i> на месте классического /ě/). Возможно, идентифицируемая Адамсом региональная особенность должна связываться не с Италией вообще, а в первую очередь с северной Италией, откуда происходят AV2 и большая часть *Par. Rav.*

7. 15. <ae> на месте классического /ě/ и /ē/

Употребление <ae> и <e> на месте классического /ae/ в Средние века настолько свободно, что этот параметр следует отнести к нашей категории **а** и отказаться от его реконструкции (Stotz 1996, 81–85). Однако можно попробовать учесть гиперкорректное <ae>, весьма распространенное, напр., в ранних рукописях Григория Турского (ср. Adams 2013: 79–80); в то же время нужно иметь в виду, что в каролингское время оно, по-видимому, оставалось очень распространенным (ср. каролингские примеры в Stotz 1996: 26–29). В PSus примеры такой гиперкоррекции связаны в основном с каролингской рукописью

W, в которой их множество (с доминированием начальной и финальной позиции в слове, ср. Stotz 1996: 26–28: *aegentibus*, *aegit*, *aegisti*, *aepiscopus*, окончания наречий, вокативов и аблативов, но также *raecunia*, *rauaere*). Есть, однако, случаи, когда формы, отражающие такие тенденции, встречаются в других лучших рукописях (*aestis*, *loquaere* в *A*, *aetiam*, *cotidiae* в *B*, *aelegit*, *aeuangelicam*, *caelerius* в *C*), а также случаи, когда другие рукописи поддерживают зафиксированные в *W* написания: 3 (*BWv Mombr.*) *sanctae* (уос.), 8 (*V²KZW*) *reuerentissimae* (уос.), 13 (*BW*) *aeducare*, 17 (*KABSW*) *aecclesiae*, 22 (*AW*) *Augustae* (уос.), 22 (*BW*) *occultae* (нар., ср. 21 (*C*) *occultae* (нар.)). Правда, во втором и четвертом примере смущает, что *K* (и в 8 вслед за ним видимо зависимая от него *Z* — в 17 текст *Z* не сохранился) вводит дифтонг вопреки своему источнику *P*: вряд ли *K* был сверен с какой-то лучшей рукописью, скорее это должна быть независимая инновация каролингского переписчика, создавшего *K*. Особенно интересны случаи согласия содержащих дифтонг рукописей с эксцерптами *b*: 29 *aepiscopus Wb* (единственное появление этого слова в *b*, при том что в *W* встречается почти систематически) и случай имени *Macedonius*, из 8 упоминаний которого *B* и *b* в одних и тех же двух местах передают его как *Macaedonius*. Судя по всему, в ряде случаев гиперкорректное <ae> рукописей воспроизводит (явно непоследовательную) орфографию архетипа (или по крайней мере орфографию рукописи *Ψ*). Но судить о том, насколько архетип соответствовал в этом отношении орфографии оригинала, сложно, так что дальше уровня *fort. recte* реконструкция здесь не пойдет. В *AugMS* 4 примера такой гиперкоррекции (один в окончании наречия, *fol. 15v perfectae*, остальные все в корне *taemer-*), в *ER* — ок. 40 примеров (включая *raecunia*).

7. 16. Синкопа

В наиболее консервативных рукописях *PSus* слова *dominus* и *domina* часто пишутся как *domnus* и *domna* (6: *domnus*¹ *Zα*, *domni* *B*, *domnus*² *PD*; 7: *domnam CWα*; 14: *domnam W*; нужно иметь в виду, что часто слово также записывается в сокращенном виде, так что непонятно, синкопировано оно или нет, и раскрывающий сокращение писец скорее будет склонен восстановить не синкопированную форму). Во всех этих случаях речь идет о людях, но не о Боге. Адамс (Adams 2013: 95–96) полагает, что в поздней античности некоторое время сосуществовали синкопированная и не синкопированная форма слова с

разными значениями: вторая применительно к Богу, первая — в остальных случаях. В PSus, похоже, перед нами следы такой системы; если это так, то ее, наверно, следует отнести к категории **б**, т. к. в Средние века такое противопоставление иногда тоже встречается: Stotz 1996: 112, Berschin, Becht 1984: 12–14.

7. 17. <i> вместо ожидаемого <ii> в генитиве имен на -ius

Генитивы имен Gabinius/Gauinius (13 пассажей) и Sal(1)ustius (5 пассажей) скорее выглядят в других лучших рукописях PSus как Gabini/Gauini (часто в *PBCSW*, и ср. выше 5 о важном непрямом свидетельстве Liber pontificalis об этой форме в нашем тексте) и Salusti (всегда в *PB⁽¹⁾S*, часто в *CW*). Имена на -ius, встречающиеся в тексте в генитиве, — Claudius и Macedonius — во всех рукописях выглядят как Claudii и Macedonii (ср. также 9 (*B*) fili (nom. pl.)). Согласно М. Лёйману (Leumann 1977, 424–425), классический генитив на -i для слов (особенно имен собственных) на -ius уже не актуален ко времени Авла Геллия, и в имперской латыни «правильной формой считается [генитив на] -ii». Тем не менее параллели к нашим формам в поздней античности можно найти: ср. Lib. pontif. p. 43.5 Mommsen: Maxenti (но при этом там же p. 37.4 Mommsen: Claudii), Bonnet 1890: 334–336 о частом (но тоже непоследовательном) употреблении таких генитивов у Григория Турского, Stotz 1998: 63–64 (все примеры, касающиеся имен собственных, меровингские, хотя есть более поздние примеры с именами нарицательными). В AugMS, fol. 4v, есть генитив fili (и на той же странице также filii). Штоц справедливо пишет, что перед нами вряд ли просто продолжение архаического и классического генитива на -i, и предполагает в случае имен собственных скорее влияние вокатива. Однако это объяснение, как кажется, плохо подходит для также зафиксированных форм (хотя и не в случае имен собственных) на -is вместо -iis. Учитывая, что в ходе развития латыни практически все зияния утрачивались (Adams 2013: 101–102, Lloyd 1987: 190–191), классическое /ii/ в любом случае должно было изменяться, так что <Marii> должно было читаться по крайней мере как /Marij/, а возможно, и действительно как /Mari/. Может быть, такое произношение, вторично возникнув, было связано образованными людьми (а каким-то образованием наш автор, как и автор Liber pontificalis и Григорий Турский, явно обладал) с известной им старинной манерой написания, что привело к ее своего рода возрождению.

По поводу этой непоследовательности Бонне пишет, что, скорее чем пытаться привести формы к единообразию, следует искать какую-нибудь систему в разнообразии, и дает списки имен, образующих каждый из типов генитива у Григория (ср. тот факт, что и в PSus, и в Lib. pontif. имя Claudius образует генитив на -ii). Однако в этом его списке имя Salustius попадает в генитивы на -ii, так что придумать такую же и совместимую с системой для Григория систему для PSus не получится. К тому же, сложно представить, что в PSus 7 текст выглядел как *in conspectu Claudii et Gauini*. Скорее, как кажется, здесь противопоставлены имена, в которых переписчики готовы регуляризовать генитив (хорошо известное им имя Claudius, имя с прозрачной этимологией и легко выделяемым суффиксом Macedonius), и менее привычные имена (ср. тот факт, что имя Gabinius/Gauinius часто искажается в рукописях PSus в других падежах в Gauinus (часто в *B* и *C*, один раз в *W*) или Gabinus (один раз в *K*, а также в некоторых рукописях пересказа PSus в «Мартирологе» Адона Вьеннского)). Характерно, что в списках Бонне для Григория также все более или менее экзотические имена оказываются в группе с генитивами на -i, в то время как группа с генитивами на -ii состоит в основном из таких знаменитых имен, как Antonii, Virgilii, Tiberii. Я бы предположил, соответственно, что это явление категории **б** (или даже **в**: следует проверить, действительно ли, как вроде бы следует из Штоца, такие генитивы имен исчезают в каролингское время), и предложил бы унифицировать употребление во всем тексте, исправив формы Claudii и Macedonii на Claudi и Macedoni. Конечно, автор VI в. тоже мог быть в этом отношении непоследователен, но узнать, для какого контекста он выбирал тот или иной вариант, у нас возможности нет.

7. 18. Особый случай

<a> на месте классического /au/: PSus 29 (*m*) Agustas. Этот фонетический переход в этом корне хорошо зафиксирован в античности (в надписях начиная с нероновского времени, с позднеантичными примерами: TLL 2.1379.32–46) и объясняется, видимо, диссимиляцией (Adams 2013: 86–87). Вероятно, категория **б**, однако пример очень подозрителен: во всех случаях, когда в PSus слова Augustus и Augusta применяются к императору и императрице, в их написании нет колебаний, и колебания появляются только в написании названия месяца (во фразе Idus Augustas), при том что именно применительно к

месяцу вариант слова на Ag- выжил в романских языках, включая итальянский (*agosto*), а единственная рукопись, где написание *Agustas* зафиксировано, судя по всему, создана в Италии¹¹.

8. Согласные

Смешение <ci> с <ti>, написание греческих слов (употребление <h>, также гласной <y>)¹², употребление <k> и <h> в лат. словах следует, вероятно, отнести к категории **а** и отказаться в этих вопросах от реконструкции оригинальной орфографии (ср. Stotz 1996: 74–78, 155–183, 220).

8. 1. <u> на месте классического /b/ и <b> на месте классического /u/

Вне Иберийского полуострова, вероятно, явление категории **б** (см. Stotz 1996: 269). PSus: *Gauinius* (42 раза, см. выше 5); 9 (*V*) [*la*]babuntur (вместо *lauabuntur*), 27 и 28 (оба раза *BC*¹) *Iobis*. ER: несколько десятков примеров <u> на месте классического /b/, 6 примеров <b> на месте классического /u/. AugMS: по одному примеру в каждую сторону.

8. 2. <g> на месте классического /i/

PSus: *Gagi* (вместо *Gaii*, 10 раз, всегда в такой орфографии в *A*, всегда *Gagi* или *Gagii* в *b*; форма *Gagi* также дважды в *B* и один раз в *W*, а также в рукописях пересказа PSus в «Мартирологе» Адона Вьеннского; *Gagii* также один раз в *a*, другие падежи того же имени дважды от основы *Gagi*- в *h*, вероятно, в результате реинтерпретации генитива *Gagi*); 9 (*VA*¹*BWSmu*) *ageba(n)t* (вместо *aieba(n)t*), 22 (*m*) *magestate* (ср. также обратный случай, 1 (*A*) *proieniae* вместо *progeniae*). В целом это явление (подразумевающее аффрикатизацию, с одной стороны, /i/, и, с другой стороны, /g/ перед переднеязычными, приведшую к их совпадению или близости) известно и в поздней античности, и в Средние века, хотя умеренно распространено и скорее попадет в нашу категорию **б** (B. Löfstedt 1961: 160, Stotz 1996: 140, 211–215).

¹¹ Она хранилась в римской церкви Санта-Мария-Маджоре по крайней мере уже в XVII в., судя по Vesilli 1628: 72, и ее ближайшим родственником из изученных мной рукописей является рукопись *и*, созданная, согласно Ф. Долбо, в Риме или окрестностях (Dolbeau 1975: 398). Шрифт *m* также кажется мне итальянским, но я не специалист.

¹² В случае, о котором речь в Shumilin 2019, в рукописях явно доминирует написание *zius*, но происхождение этой орфографии и, соответственно, ее статус установить трудно.

8. 3. <d> на месте классического /t/

PSus: 9 (*A*) *capud* (распространенный особый случай, под влиянием слова *apud*: см. Stotz 1996: 226, Adams 1976: 47 о двух случаях в AV2), 14 (*W*) *dada* (вместо *data*), 29 (*B*) *stadio* (вместо *statio*, ср. ошибку *stadium* в *r*). Такое интервокальное озвончение, в т. ч. в суффиксе пассивного причастия, встречается в лангобардских и меровингских текстах (B. Löfstedt 1961: 136–137 о примерах в ER, Stotz 1996: 223–225; ср. в AugMS, fol. 15v, *uidetur* вместо *uitetur*) и, вероятно, должно быть отнесено к категории б.

8. 4. Отпадение и гиперкорректное восстановление финального <m>

Это явление (приводящее к смешению аккузативов и аблативов) очень распространено и в рукописях PSus, и в параллельных текстах, но составить список мест затруднительно, т.к. во многих случаях сложно сказать, не идет ли речь об изменении управления вместо орфографической аномалии (примеров вне именных окончаний в PSus нет, что свойственно и для других корпусов: всего три случая вне именных окончаний в ER, нет таких примеров в AugMS, и ср. Stotz 1996: 283). Обращу внимание только на следующий пример. В PSus 11 в сцене *interrogatio de fide* сперва спрашивают *Credis in Deum Patrem omnipotentem ex toto corde?* (без вариантов в рукописях, кроме, может быть, *omnipotente* в *B*, на моей фотокопии плохо видно, не может ли там быть тильды); затем задают вопрос, который, видимо, следует восстанавливать в том варианте, который фиксируется в рукописях *BDr*: *Et in Christo Iesu Domino nostro?* (аккузативы других рукописей больше похожи на regularized вариант). И та же (орфографическая) непоследовательность фиксируется в тех же вопросах в других ранних фиксациях «опросника» *interrogatio de fide* и близких к нему формул: ср. Anon. Arian. in cod. Vat. lat. 5750 (текст IV–V вв., см. Mercati 1902: 51), f. 73v: *Credis in Deum Patrem omnipotentem... Credis et in Christo Iesu filio eius?* (ср. также порядок слов *Christo Iesu*), Miss. Bob. 184 Lowe (VII в.): *Credo in Deum Patrem omnipotentem... Credo in Iesu Christo filium eius*, 245–246 Lowe: *Credis in Deum Patrem omnipotentem... Credit et in Iesu Christo filium eius*. Судя по всему, существовали своего рода «орфографические формулы».

8. 5. Симплификация и геминация

PSus: Salusti (5 раз, каждый раз во всех рукописях), 21, 22 и 26 (все три раза только *Mombr.*) oculte, 27 (*W*) furases, 29 (*W*) quomemoratione (вместо commemoratione); 22 (*t*) ellimoniis (гибрид чтений alimonia и elemosinis?), 23 (*t Mombr.*) Iullium, 28 (*P^l*?) accessus (вместо accensus), 29 (*W*) Chrissanti (в интерполированном фрагменте)¹³. AV2: 11 + 2 примера. ER: 33 + 11 примеров. AugMS: 1 пример симплификации. Хорошо засвидетельствован в PSus только особый случай Salusti, вообще очень распространенное написание (Stotz 1996: 282), возможно объясняющееся этимологизацией имени от слова salus (в рукописях PSus также доминирует написание retulit вместо rettulit, но это явная рекомпозиция: Stotz 1996: 230–231). Другие примеры почти все в одних и тех же рукописях. Адамс связывает распространенность симплификации в AV2 с североитальянским происхождением текста, т. к. симплификация характерна для североитальянских диалектов (Adams 1976: 47); в этом свете интересно, что симплификация, кроме формы Salusti, фиксируется в PSus только в рукописи *W*, происхождение которой Б. Бишофф связывает с северной Италией (Bischoff 2014: 477), и в миланском издании Бонино Момбрицио. Вполне возможно, что в оригинальном тексте PSus этих симплификаций не было, и перед нами различие между языком центральной и северной Италии VI в.

8. 6. Ассимиляция согласных в приставках

За исключением твердо устоявшихся уже в более ранний период ассимиляций, в древнейших рукописях PSus во всех случаях при выборе ассимилированная vs неассимилированная согласная в приставке (кроме, может быть, ob- перед *t*) явным образом доминируют неассимилированные варианты. Скорее всего, в оригинальном тексте PSus сохранялась графическая

---

¹³ Сюда, вероятно, также относится пассаж PSus 29, где рукописи колеблются между вариантами названия топонима uicus Mammuri *PBCSmur* (Mamuri *AWa Mombr.*) и uicus Mammurtini *F* (Mamurtini *t*), плюс (гибридный?) вариант uicus Mamurti *p* (близкородственная *p* рукопись *v* в этом месте повреждена огнем); часто название связывают с располагавшейся поблизости статуей Мамурия Ветурия, однако остается не до конца понятным, как топоним правильно восстанавливать и каково происхождение варианта, также появляющегося в связи с похожим топонимом cliuus Mamuri в рукописях Lib. pontif. p. 90.4 Mommsen, где также фиксируются варианты с геминацией для обоих названий: см. Coarelli 1993, а также Geertman 2004, 130–131.

условность, продолжающая традицию изданий литературных текстов, как ее реконструируют для IV в. (см. Hall 2008: 229–372)

8. 7. Несколько особых случаев

<uu> для обозначения глайда /u̥/: PSus 8 (*W*) Euuuangelio (sic). Ср. Stotz 1996: 96–97, 150–152; судя по всему, пример из категории г.

Видимо, выпадение кл. /n/ перед согласным в комбинации с <g> на месте классического /c/: PSus 20 (*W*) compugtionem (вместо compunctionem). Судя по всему, явление категории г, см. Stotz 1996: 195 (отдаленно похожий пример confractura взят из вариантов каролингских рукописей латинского Орибазия). Для выпадения /n/ ср. также вариант *ibid.* (*m*) comruptionem и 28 (*P^I?*) accessus (вместо accensus), это, видимо, явление группы б: Stotz 1996: 294–296.

<n> на месте классического /m/: PSus 20 (*S*) ponpis. Вариант категории б: TLL 10.1.2.2593.53–54, Stotz 1996: 292.

<qu> на месте классического /c/: PSus 29 (*W*) quomemoratione (вместо commemoratione). Хороших параллелей у Штоца нет: Stotz 1996: 144–147. Скорее всего не собственно орфографический вариант слова, а ошибка (pro со(m)memoratione > pro quo memoratione), вызванная чтением <qu> как [k]; соответственно, вариант категории г.

9. Выводы

Языковые особенности, которые можно реконструировать по рукописям PSus, в области фонологии/орфографии вполне похожи на то, что можно восстановить для других близких по времени текстов, особенно написанных в Италии VI в., например, «Второго анонима Вalezия». Отдельные отличия от этого текста, как кажется, правдоподобно объясняются региональными различиями поздней латыни (7.14, 8.5). Отметим также, что значительная часть «неклассических» форм, сохранившихся в рукописях PSus, либо имеет «классические» формы-омонимы (напр., императив *habito* похож на датив/аблатив ед. ч. пассивного причастия в м.р. и ср.р., и т. п.), либо относится к именам собственным, «нормализация» написания которых всегда затруднена. Как кажется, это говорит в пользу вывода, что в дошедшей до нас рукописной традиции в основном сохранялись формы, имевшие повышенные шансы пройти через фильтр некой «нормализации»: вероятно, это была либо раннекаро-

лингская «нормализация», либо фильтр, обусловленный представлениями самого автора текста о правильных для латинского языка формах. Наверно, проще представить себе первый вариант; он будет подразумевать, что орфография оригинального текста была еще значительно более «неклассической». Для текстов с особенно высокой «густотой» «неклассических» форм — «Эдикта Ротари», Устава св. Бенедикта (каким он предстает в рукописях: ср. Coleman 1999: 345), «Истории» Григория Турского — характерно сохранение до нашего времени одной или нескольких до-каролингских рукописей; возможно, язык PSus (и AV2) в такой рукописи выглядел бы похожим на язык этих текстов.

Литература

- Adams, J. N. 1976: *The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle (Anonymus Valesianus II)*. London.
- Adams, J. N. 2013: *Social Variation and the Latin Language*. Cambridge.
- Becilli, C. 1628: *Sancti Caii papae, et martyris Acta a Caesare Becillo... notis explicata*. Rome.
- Berschin, W., Becht, G. 1984: Sprachliches in den Vitae S. Wiboradae von Ekkehart I. (ca. 960/970) und Herimannus (ca. 1075) von St. Gallen. *Archivum Latinitatis Medii Aevi* 43, 5–26.
- Bischoff, B. 2014: *Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts (mit Ausnahme der wisigothischen)*. T. III. Wiesbaden.
- Bonnet, M. 1890: *Le latin de Grégoire de Tours*. Paris.
- Bourcier, E. 2004: *Osnovy romanskogo yazykoznaniya [Elements of Romance Linguistics]*. Moscow.
- Бурсье, Э. 2004: *Основы романского языкознания*. Пер. Т. В. и Е. В. Вентцель. М.
- Bourgain, P. 2016: The Works of Gregory of Tours: Manuscripts, Language, and Style. In: Murray, A.C. (ed.) *A Companion to Gregory of Tours*. Leiden; Boston, 141–190.
- Brown, V. 1996: New C.L.A. membra disiecta in Naples and Rome. *Mediaeval Studies* 58, 291–303.
- Coarelli, F. 1993: Clivus Mamuri. In: Steinby, E.M. (ed.) *Lexicon Topographicum Urbis Romae*. Vol. I. Rome, 282–283.
- Coleman, R. 1999: Vulgarism and Normalization in the Text of Regula Sancti Benedicti. In: Petersmann, H., Kettemann, R. (eds.) *Latin vulgaire — latin tardif V*. Heidelberg, 345–356.
- Davis, R. 2010: *The Book of Pontiffs (Liber Pontificalis): The Ancient Biographies of First Ninety Roman Bishops to AD 715*. Liverpool.
- Dolbeau, F. 1975: Notes sur deux collections hagiographiques conservées à Bibliothèque Vaticane. *Mélanges de l'école française de Rome* 87, 397–424.
- Duchesne, L. 1916: Les légendes de l'Alta semita. *Mélanges de l'école française de Rome* 36, 27–56.

- Eklund, S. 1970: *The Periphrastic, Completive and Finite Uses of the Present Participle in Latin*. Uppsala.
- Galdi, G. 2014: Some Considerations on the Apodotic Uses of *atque* and *et* (2nd c. BC — 2nd c. AD). *Journal of Latin Linguistics* 13, 63–91.
- Galdi, G. 2015: Some Remarks on the Language of the *Itinerarium Antonini Placentini*. *Listy filologické* 138, 41–63.
- Geertman, H. 2004: *Hic fecit basilicam. Studi sul Liber pontificalis e gli edifici ecclesiastici di Roma da Silvestro a Silverio*. Leuven; Paris; Dudley.
- Hall, J. B. 2008: *P. Papinius Statius: Thebaid and Achilleid*. Vol. 3. Cambridge.
- Haverling, G. V. M. 2008: On Variation in Syntax and Morphology in Late Latin Texts. In: Wright, R. (ed.) *Latin vulgaire — latin tardif VIII*. Hildesheim; Zurich; New York, 351–360.
- Hilchenbach, K.P. 2009: *Das vierte Buch der Historien von Gregor von Tours: Edition mit sprachwissenschaftlich-textkritischem und historischem Kommentar*. Bern et al.
- Krusch, B., Levison, W. 1951: *Gregorii episcopi Turonensis Libri historiarum X*. Editionem alteram curauerunt B. Krusch et W. Levison. Hanover.
- Lanéry, C. 2010: Hagiographie d'Italie (300–550). I. Les passions latines composées en Italie. In: Philippart, G. (ed.) *Hagiographies*. Vol. V. Turnhout, 15–369.
- Lapidge, M. 2018: *Roman Martyrs: Introduction, Translations, and Commentary*. Oxford.
- Lloyd, P. M. 1987: *From Latin to Spanish. Historical Phonology and Morphology of the Spanish Language*. Philadelphia.
- Löfstedt, B. 1961: *Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze: Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität*. Stockholm-Göteborg-Uppsala.
- Löfstedt, E. 1956: *Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins*. Lund.
- Löfstedt, E. 1959: *Late Latin*. Oslo.
- Mercati, G. 1902: *Antiche reliquie liturgiche Ambrosiane e Romane*. Rome.
- Milani, C. 1978: Un esempio di normalizzazione linguistica: la 'recensio altera' dell'*Itinerarium Antonini Placentini*. In: *Scritti in onore di Salvatore Pugliatti V*. Milano, 678–703.
- Monachi Solesmenses 1910: *Boninus Mombritius. Sanctuarium, seu Vitae Sanctorum*. Nouam hanc editionem curauerunt duo monachi Solesmenses. Paris.
- Moretti, P. F. 2006: *La Passio Anastasiae: Introduzione, testo critico, traduzione*. Rome.
- Müller-Marquardt, F. 1912: *Die Sprache der alten Vita Wandregiseli*. Halle.
- Ó Riain, D. 2015: The *Magnum Legendarium Austriacum*: A New Investigation of One of Medieval Europe's Richest Hagiographical Collections. *Analecta Bollandiana* 133, 87–165.
- Orlandi, G. 1996: Un dilemma editoriale: ortografia e morfologia nelle *Historiae* di Gregorio di Tours. *Filologia mediolatina* 3, 35–71.

- Pei, M. A. 1932: *The Language of the Eighth Century Texts in Northern France*. Diss. New York.
- Reeve, M. D. 2004: *Vegetius. Epitoma rei militaris*. Ed. by M. D. Reeve. Oxford.
- Reeve, M. D. 2011: *Manuscripts and Methods: Essays on Editing and Transmission*. Rome.
- Rönsch, H. 1869: *Itala und Vulgata. Das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katholischen Vulgata unter Berücksichtigung der römischen Volkssprache durch Beispiele erläutert*. Marburg; Leipzig.
- Sergievsky, M. V. 1952: *Vvedenie v romanskoe yazykoznanie* [Introduction to Romance Linguistics]. Moscow.
- Сергиевский, М. В. 1952: *Введение в романское языкознание*. М.
- Shanzer, D. 2005: Gregory of Tours and Poetry: Prose into Verse and Verse into Prose. In: Reinhardt, T., Lapidge, M., Adams, J. N. (eds.) *Aspects of the Language of Latin Prose*. Oxford, 303–319.
- Shumilin, M. V. 2019: [Passio Susannae (BHL 7937) as a Linguistic Document: Towards the Dating of the Versions of the Text]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* [Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya] 23, 1150–1175.
- Шумилин, М. В. 2019: «Страсти св. Сусанны» (BHL 7937) как языковой памятник: к датировке версий текста. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 1150–1175.
- Stotz, P. 1996: *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 3: Lautlehre*. Munich.
- Stotz, P. 1998: *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 4: Formenlehre, Syntax und Stilistik*. Munich.
- Supino Martini, P. 1987: *Roma e l'area grafica romanesca (s. X–XIII)*. Alessandria.
- Supino Martini, P. 2001: Aspetti della cultura grafica a Roma fra Gregorio Magno e Gregorio VII. In: *Roma nell'alto Medioevo*. Spoleto, 2.921–968.
- Tjäder, J.-O. 1955: *Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700*. Lund.